

Кануло
вечер

Одесский листок

1888, 9 июля, № 184

с. 2.

ФЕЛЬТОНЪ „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“.

9 июля 1888 года.

ПИСЬМА О ЖУРНАЛИСТИКѢ.

И на разъ себя спрашивалъ, почему это историкъ газетчиковъ, а въ особенности притоковъ и рецензентовъ извѣстности собрании. Неужели въ самомъ дѣлѣ они имѣютъ духовное родство съ собрании?

И что же? Оказывается да, имѣютъ. Платонъ во 2-й книгѣ «De Verbis», говорить, что соблава слово философное интеллю въ свѣтѣ. Если вы видѣли, то могли заметить, какъ благоговѣнно она сторожитъ свое кость, какъ заботливо хранитъ, какъ ревностно держитъ, какъ благодарному принимается за нее, какъ любовно разглагольствуетъ, какъ прилежно ее высасываетъ. Кто побуждаетъ ее къ тому? къ какому благу она стремится? Ни къ чему иному, какъ къ наибольшему количеству мозга. Правда, что это мало лучше другаго многого, потому что, какъ говоритъ Разонъ, III Разнѣ, pat. и XI De via rationis, мозгъ—нища, съ наибольшимъ совершенствомъ выработанныя природой.

Нотъ въ этомъ смыслѣ мы, рецензенты, къ же собрани, съ тою рзницною, что собрани можетъ битъ въ каждой кости, разглагольшая и высасываемая ими, изходить «небольшое количество мозга». Мы же горѣнно грыземъ, грыземъ, сосемъ, сосемъ и ничего изъ изннхъ литературныхъ костей не высасываемъ.

Редакци журналовъ залезаютъ самымъ безобразнѣйшимъ кламомъ и врандъ-ли въ какой-либо изъ нихъ можетъ повториться слѣд. характерный диалогъ между редакторомъ и писателемъ.

Но безнравственный въ нашей печати писатель г. Кругловъ рассказываетъ въ «С. Л.» о слѣдующемъ эпизодѣ. Приѣхавъ онъ въ Петербургъ и принявъ за себя, такъ сказать, въ литературному цеху. Подъ многолетнимъ увлеченіемъ одной барышни и, говорить онъ, написалъ очень слабо и очень иждно стихотвореніе и поносъ его въ журналъ, издаваемый когда-то бывшимъ полицейскимъ чиновникомъ, а въ ту пору—примь, крайнимъ либераломъ.

Меня встрѣтилъ худощавый, юркій человекъ еврейскаго типа, съ кривой ногой.

— Что вамъ угодно?

Я подаль ему стихи.

— Ахъ, стихи!

И, не читая ихъ, онъ взглянулъ на подносъ.

— Вы писали гдѣ-нибудь?

— Да...

Я назвалъ одно популярное изданіе и умершей сатирической журналъ.

— А-а!... Хорошо-съ!... Присядьте, а сейчасъ пробегу-сь!.

Онъ вскользь прочиталъ стихи и пронесъ, складывая листокъ:

— Видите-съ... стихи недурны... очень недурны... и мягко и тепло... и образъ хорошенький... да-съ... но... я не могу помѣстять... извините, не могу-съ!

— Почему-же?

— Не подходитъ!.. Это въ «Ниву», въ дамскій журналъ... да-съ, тамъ это у мѣста!.. А мой журналъ служить идеаль, мой изданіе—бесовъ органъ... Да и вообще-съ... Что вамъ за охота писать такі стихи... Это не въ модѣ... Теперь надо идеоло, непременно идейное... въ родѣ Некрасова... вы, конечно, понимаете какое теперь время...

Онъ долго и много говорилъ на эту тему.

— Стало быть не беретъ? сказалъ я, вставая.

— Не могу-съ! Но вы не обижайтесь: стихи недурны... и я съ большимъ удовольствіемъ помышлю что-нибудь другое... напишите, пожалуйста, въ родѣ Некрасова что-нибудь, и я помышлю. Вы хоть опишите свое пѣхкое чувство къ какой-то дѣвицѣ!.. Это что-же, помышлите, кому интересно пишѣ? А вы возьмите дѣвицу труженицу, курсистку, борца-женщину за права эмансипаци и вотъ на эту тему и напишите... тогда я съ удовольствием.

Если-бы я былъ на мѣстѣ этого редактора, то я продолжилъ-бы такія требованія и современнымъ балетристамъ. А то, право, это не балетристка, а какія-то сказки-байки.

Я не знаю, читаете-ли вы, грызете-ли, сосете-ли эта литературная кость?.. И ихъ перестать грызѣ, но я наблюдаю, какъ грызутъ и сосутъ ихъ рецензенты.

Вотъ, напр., рецензентъ какой-то газеты разглагольствуетъ и высасываетъ мозгъ изъ повѣсти г. Чехова «Огни» («Свѣт. В.», № 6).

Въ этомъ рассказѣ мы видимъ нижегородца Ананьева, счастливаго супруга и ниже

городца отца семейства, ревностно занятаго своею службой; затѣвъ нижегородскаго студента фельд-Шенберга, возмущу, задалаго рефлексію, поглощающаго всецѣло мыслью о тѣстѣ и суетѣ всего земнаго и проникнутаго ужасомъ передъ неизбѣжною смертію и разрушеніемъ всего живущаго. Юный писанинъ, впрочемъ, остался нѣсколько въ тѣни; явственнѣе выступила фигура Ананьева. Стремился убедить своего молодого товарища во вредѣ неэстетическаго отношенія къ дѣйствительному міру, Ананьевъ обращается къ возможнѣйшимъ собственнаго молодца и рассказываетъ поучительный, по его мнѣнію, эпизодъ изъ собственной жизни. Оказывается, что и онъ также въ пору своего студентства былъ зараженъ пессимизмомъ и унилизмомъ; результатомъ подобнаго настроенія, при отсутствіи правильнаго воспитанія, было полнѣйшее неуваженіе къ чужой личности и нравственная разнузданность. Въ особенности неблагородно отнеслся въ эту пору Ананьевъ къ женщинамъ, оскорбляя, обманывая и обещая ихъ при великомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Такъ, напримеръ, състрѣтившись однажды въ провинціи, въ бытность студентомъ, съ бывшею слабостью своихъ вѣнхъ дней, Натальей Степановной, малой и симпатичной особой, теперь ставшею женою какого-то грубаго грека и не могущему похвалиться своимъ семейнымъ счастьемъ, Ананьевъ, не смотря на то почтнее доброе и уваженіе, которое высказываетъ по отношению къ нему его бывшая подруга дѣтства, несмотря на то, что она явно преклоняется передъ его мнѣніемъ частностью, великодушнѣе и сердечнѣе,—не можетъ удержаться, чтобы не обольстить ее, пользуясь удобнымъ положеніемъ стараго друга. И только одумавшись, Ананьевъ перинилъ всю нелепость своего извѣденія, убедился, что его неэстетическое иресомерзаніе въ существѣ едѣрь и самообольщеніи, что на самомъ дѣлѣ у него нѣтъ аз душою ничего святаго, нѣтъ ни опредѣленнаго нравственнаго кодекса, ни сердца, ни разсуда. И все-таки, ему понадобилось самому жениться и обавестись дѣтми, чтобы уразумѣть, наконецъ, ннзлѣ необходимость внимательнаго и человѣческаго отношенія къ женщинамъ и дѣвушкамъ.

И такъ, чтобы перестать быть пессимистомъ, нужно обавестись семьей. Вотъ и весь вошь повѣсти.

Но если вы писаниста-философ? Если вы пришли к сожалению, что жизнь есть сплошная цепь страданий, безрадостный, беспробудный подвиг мученичества, что если-бы за все эти мучения и существовала-бы награда не только в семейной, но и в загробной жизни, то она не искупила-бы собой все эти чары и блаженствами горечь пережитых страданий... Это не без трагизма изображено поэтом Аккерманом в его исполненном страстного отчаяния произведении: «Les Malheureux», в котором умиршие несчастные отказываются встать из своих гробов, как-бы ни ожидали их наслаждения и блага...

А г. Чехов в статье на все эти страдания советует жениться.

Вот неудобно-ли, послѣ этого читать современнаго повѣсти, съ цѣлью добраться въ нихъ до «какого-нибудь количества счастья».

На поспеиваетъ-ли г. Чеховъ жениться и несчастныхъ безьякъ, выведенныхъ въ рассказѣ г. Нила Старовѣрова, «Счастливецъ» («Рус. М.», № 5). Дѣйствіе очерка происходитъ въ одномъ изъ приволжскихъ городковъ. Двое безьяковъ, или какъ ихъ называютъ на Волгѣ, золоторотцевъ, оборванцевъ и безпрютныхъ бѣдняковъ, почти отверженцевъ общества, всѣми силами стараются выбиться изъ своей припавшей среды. Они спускаютъ по домамъ на домина старое тряпье, и торговля ихъ идетъ настолько удачно, что они мечтаютъ уже о наймѣ настоящей квартиры, когда неожиданное несчастье разрушаетъ все изнану ихъ. Захваченные въ кустахъ полицейскими обходами, они попадаютъ въ участокъ, гдѣ у одного изъ нихъ пропадаютъ спрятанными ими сообщая деньги. Послѣ этого золоторотцы, увидѣвъ духовъ, пропали сохранившася у нихъ случайно копѣйки, а потомъ, почти умеря отъ голода, отирались въ поле искать оставшіяся поля уборки картофеля. За городомъ, подъ освѣжающимъ вліяніемъ природы, которая давно уже сдѣлалась чужда этимъ несчастнымъ въ душномъ городѣ, одинъ изъ нихъ, Лешка, почувствовалъ всю тяжесть своей жизни и порѣшилъ утопиться. Передъ исполненіемъ своего намѣренія, уже въ городѣ, онъ страстно пожелалъ попить кваску, для чего попросилъ милостина въ одномъ магазинѣ, послѣ грубаго отказа въ ней, онъ разбилъ стекло въ дверяхъ и и ринуть себя руку. Благодаря этой случай-

с. 2.

Письма о журналистике

См.

(...), вот, например, рецензент какой-то повести разгрызает и высасывает „мозги“ из повести г. Чехова «Огни» («Сев. вестник» № 6). В этом рассказе мы видим имитатора Аманьева, счастливого хирурга и мет-

наго отца семейства, ревностно занятого своею службой; затем инженерного студента фоль-Штенберга, юншу, задаваемого рефлексиею, поглощенного всецело мыслью о теще и суете всего земного и проинкинутого ужасом перед неизбежною смертью и разрушением всего живущаго. Юный пессимист, впрочем, остается несколько в тени; явственнѣе выступает фигура Аманьева. Стремясь убить своего молодого товарища во вредъ пессимистическаго отношенія къ действительному міру, Аманьевъ обращается къ воспоминаніямъ собственной молодости и рассказываетъ поучительный, по его мнѣнію, эпизодъ изъ собственной жизни. Оказывается, что и онъ также въ пору своего студентства былъ зараженъ пессимизмомъ и уныніемъ; результатомъ подобнаго настроенія, при отсутствіи правильнаго воспитанія, было полнѣйшее неуваженіе къ чужой личности и нравственная разнузданность. Въ особенности неблаго-родно относился въ эту пору Аманьевъ къ женщинамъ, оскорбляя, обманывая и обольщая ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, встрѣтившись однажды въ провинціи, въ бытность студентомъ, съ бывшею сла-бостью своихъ юныхъ дней, Натальей Степановной, милой и симпатичной особой, теперь ставшею женою какого-то грубаго грека и не могущаю похвалиться своимъ семейнымъ счастьемъ, Аманьевъ, не смотря на то полное довѣріе и уваженіе, которое высказываетъ по отношенію къ нему его бывшая подруга дѣтства, не смотря на то, что она явно пренебрегается передъ его милою чистотью, великодуш-ніемъ и срдечностью, — не можетъ удержаться, чтобы не обольстить ее, пользуясь удобнымъ положеніемъ стараго друга. И только одумавшись, Аманьевъ по-нялъ всю низменность своего поведенія, убѣдился, что его пессимистическое миро-созерцаніе въ сущности вздоръ и само-обольщеніе, что на самомъ дѣлѣ у него нѣтъ аз душою ничего святаго, нѣтъ ни опредѣленнаго нравственнаго кодекса, ни сердца, ни разсудка. И все-таки, ему понадобилось самому жениться и обяза-тись дѣтьми, чтобы уразумѣть, наконецъ, вполнѣ необходимость внимательнаго и человѣческаго отношенія къ женщинамъ и дѣвушкамъ.

И такъ, чтобы перестать быть песси-мистомъ, нужно обзавестись семьей. Вотъ и весь позсъ повѣсти.

Но если вы пессимистъ-философъ? Если вы пришли къ сожалѣнію, что жизнь есть сплошная цѣпь страданій, безрадостный, безпросвѣтный подвигъ мученичества, что если-бы изъ всѣхъ этихъ мученій и существовала-бы награда не только въ семейной, но и въ загробной жизни, то она не искупила-бы всѣми своими чарами и блаженствами горечь пережитыхъ страданій... Это не безъ трагизма изображено поэтомъ Аккерманомъ въ его исполнен-номъ страстнаго отчаянія произведеніи: «Les Malheureux», въ которомъ умершіе несчастные отказываются встать изъ своихъ гробовъ, какіи-бы ни ожидали ихъ наслажденія и блага...

А г. Чеховъ въ отвѣтъ на всѣ эти страданія совѣтуетъ жениться.

Вотъ неугодно-ли, послѣ этого читать современныя повѣсти, съ цѣлью добрат-ся въ нихъ до «какого-нибудь количества мозга».

Не посовѣтуетъ-ли г. Чеховъ женит-ся и несчастнымъ босякомъ, выведеннымъ въ рассказѣ г. Нила Старовѣрова, «Сча-стливцевъ» («Рус. М.», № 5). Дѣйствіе очерка происходитъ въ одномъ изъ при-волжскихъ городовъ. Двое босяковъ, или какъ ихъ называютъ на Волгѣ, золоторотцевъ, оборванныхъ и безпріютныхъ бѣднякъ, почти отверженцевъ общества, всѣми силами стараются выбиться изъ своей припавшей среды. Они скупаютъ по домамъ на хозяина старое тряпье и торговля ихъ идетъ настолько удачно, что они мечтаютъ уже о наймѣ постоянной квартиры, когда неожиданное несчастіе разрушаетъ всѣ планы ихъ. Захваченные въ кустахъ полицейскимъ обходомъ, они ночуютъ въ участкѣ, гдѣ у одного изъ нихъ пропадаютъ скопленные ими сообщіи деньги. Послѣ этого золоторотцы, упавъ духомъ, пропали сохранившіеся у нихъ случайно копѣйки, а потомъ, почти умирая отъ голода, отразились въ поле искать оставшіеся послѣ уборки карто-фель. За городомъ, подъ освѣжающимъ влияніемъ природы, которая давно уже сдѣлалась чуждѣ этимъ несчастнымъ въ душномъ городѣ, одинъ изъ нихъ, Лешка, почувствовалъ всю тяжесть своей жизни и порѣшилъ утопиться. Передъ исполне-ніемъ своего намѣренія, уже въ городѣ, онъ страстно пожелалъ попить кваску, для чего попросить милостыни въ одномъ магазинѣ, послѣ грубаго отказа въ пои, онъ разбилъ стекло въ дверяхъ и вры-палъ себѣ руку. Благодаря этой случай-...

Барон Икс.
[С.Т. Герцо-Виноградский]

С. 2

ности, она пошла в больницу, где жизнь ему не понравилась, и где она отдохнула душою и телом. За покоем, больница его хватала безпритомная жизнь; чтобы добыть себе денег на похороны, она помышляла разбить кружку при одной часовни, за что пошла в тюрьму. Там она пробыла всю зиму и только весной была судима и освобождена присяжными, благодаря отсутствию признаков улик и печальному положению, в каком находился в момент преступления. «Ничь ты, счастье тебя какое! говорил ему после суда товарищ его Сашка. Вся зиму, шутка сказать, в больницы да в остроги пробыла»...

В этом рассказе есть хоть какое-нибудь количество поэты, есть идея, или, по крайней мере, доброе намерение выдать в читатель вниманию из этого несчастного огорчения братьям...

Такое же внимание вымывает и рассказ г. Гл. Успенского «Вброс в башню» («Рус. М.», № 6). Герой наши несчастный крестьянин, сивнился с кружкой, благодаря тому, что его погубил дедушка. Для крестьянина жизнь и черная работа (тягло)—спасение. Сь работой он лезает, сь работой на уши он встает; одна и мысль у него о том, как бы, да что бы... И вдруг у этого мужика вследствие урожая, откуда он возьмется, досуг... Досуг—значит лежачество; лежачество—значит «мисла» или пьянство, или те и другое вместе. У досужаго крестьянина Габба Успенского, дядя началось с лежачества и прислушивания кь себе. Нога злится—старая болячка вдруг отошла. Прежде за работой прислушиваться некогда было, а теперь явилась тягость. Но остановка вокруг «стомаха». Чья идти кь «доктору», кь «фермеру», Ивань Анифилов идти кь эпикару и получать мерзостакости «доконь». Пьет он этого «доконь» и ничего прощя вдреда оть него не чувствуют, иначе пьет... На досуг вьдруг и сердце заговорило,—вспомнилась давнишняя зазноба Аютика, которую силком за немалого отдал; воротится она ему, свой жена—вирная соработница злится. Он забыл и семью, и труд, и Бога, распился, разорился и дошел до того, что вь пьяном виде свалился на мороз вь сибгь и отморожил сьбь руку.

— Ватюшка мой милый! Родичи мои, спасите же! Сохраните меня по бьтону

сибгь!—напоможетный, его-его пятачки и постанье обзавишиса словами оть «о наия» непереработаного тела быть живыми иль живши, испуганно рождал она на всю свою пустую забу и, наконец, был отправлен в больницу.

— И это имено Господь его спас! толковали деревенские обыватели, разбирая неожиданной факт воскресения Ивана.—Имено изь доброты сьбь Господь руки ему отгрозил, а не что проше, потому руки-то—весь капиал. У нас не вьсе наши руки... Вот как Ванька-то увидал, что у него руки-то, краши Бог, провалить, так отьтуда и раздумок опять пошел. «Лучше-бы я зарезал, говорит, чья если жить придется безрукому! А я ему говорю: «Это тебя Господь хотил образовать, дурака!»—«Виночеть, говорит, я предь Богом вь гордости моей! Поглядеть, поглядеть на лям-то, вьзлететь слезами. «Чю я безь руки-т! Ни вьзять, ни пьхат, ни лошадь зарезать, ни вода принести,—ничего! Поднять огнь кь небу свои заворки, молить Бога: «Хоть сколько-нибудь сохрани, Господи, чтобы чья-нибудь вьзяться можно было,—я ужь как-нибудь изьзотусь... Господь-то имено нануждал его по дуромь, потому что руки само: есть паров дьл вь нашем положении.

— И что-же подживиотъ? — Фельдшерь сказывал, что, говорить, по три копейки на каждой руке надо ба оторвать. Огрбить по суставу на трех пальцах, ну, а, впрочем, останется еще по два сустава на пальц... Ничего, обьтись можно! Воть Бог-то!.. «Дай-ка я тебе пригрожу, будешь ли ты фордыбачить? Какь оставлю безь руки, так и подумаешь, мол, о своей жани!»..

Рассказ написан сь обичными талантомь сивничаго писателя.

Продолжать-ли еще грать наши безлегристакские кости и высасывать изь них «мисль»?

Пожалуй! Воть вьредь наши №№ 5—6 «Русск. Богатства».

Повьсть г. Ко— «Наслдьство»; Вь чемь дьл?

Нький офицерь получил оть бабушки наследство, и воть авторь рассказывает какь при этомь пришлось предьявить разные судебныя формальности, и потомь задохнуть, задохнуть и вьшь вь

частная рука, перепадеть вь банк, а, наконец, зашет-саго обывателя, что оно пошло сь мисля, доставшись какому-то Ко-Упаску.

Дальше. «Дай вьстрьбе», рассказ А. Б. П. Олимпиада, авторь вьстрьбля вь ватонь юную вьлюбленную парочку:—наладно чьлвчкь, вьвашего поступать вь университет, и дьвухку, Вьру, отирали-подушася учительствовать куда-то вь деревню. Какь водится, они мечтали вьслух, строя вь будущемь воздушные замки. Но ихь мечты и остались только мечтами,—суровая действительность не дала осуществиться ихь заветнымь желаним. Прешло пышное зьбь. Авторь случайна попал вь то село, где учительствовала Вьра, но настала уже ее на смертную одрь, она кьваскую населением; она прьстудалась, схватала скоротечную чахотку и умерла.

Дальше.

«Вь приемыши», рассказ г-жи Шереметовой. Авторь рисуеть положение голодной и оборванной семьи одной добьтвенщицы, юташейся сь миллицей мужем и дьтями вь сиромь подвале; сюда вьлетелась одна благотворительница, предлагающая вьбьтчанць отдаль ей сына «в приемыши одной зажиточной семьи. Дальше вьображается приездь матерью сына вь указанную богатую семью и тяжелое разставанье сь нимь. «Кь горлу подступила слезами и перехватила духь. Она схватилась обьими руками за шею, силась еще разь кадань готовая вырваться изь груди неукротимия рыдания; но почувствовав, что теперь это свыше силъ ей, она кинулась прочь оть дьря дьтской, прожчалась по роскошнымь, торжественно-спокойнымь почитателъ дома, вьлетела вь переднюю, и расхлыв вьслезь входную дверь, вьключила на прагудь дьтчанцу».

Воть и все! Воть и все «небольшое количество поэты», какое-ли изьвлекла изь текущей журналистики. Слава Богу, что хоть я не трудился самь грать и высасывать эти кости... Тол-ко-бы зьум попортить...

БАРОНЬ МИСЬ.

С. Т. Герцо-Виноградский